

Высокий уровень преступности во многом определялся большим количеством маргинальных слоев на Урале и близостью региона к Сибири — традиционному месту ссылки.

Внутренняя политика государства также не всегда отвечала интересам судов. В качестве примера можно привести антисемитские действия царского правительства, контрреформы в области суда и скудным финансирование. Антисемитизм внутренней политики царского правительства ярко проявился в предписании Министерства юстиции, разосланном в июне 1887 г. во все судебные органы империи, в том числе и в Екатеринбургский окружной суд. В нем от председателей судебных органов требовалось «иметь неукоснительное попечение о том, чтоб впредь евреи не были представляемы и определяемы на должности нотариусов»⁷.

Необходимо отметить, что практически все пенитенциарные учреждения Среднего Урала испытывали значительные затруднения в своей деятельности вызванные в основном с их скудным финансированием из государственного бюджета. Это порождало ряд проблем в деятельности пенитенциарных учреждений. Так, тюремное начальство вынуждено было предлагать всем желающим нанимать арестантов на различные работы, о чем печатались объявления в местной уральской печати. Санитарные условия тюрем тоже были плохими. В местной прессе отмечалось, что тюрьмы Пермской губернии по смертности заключенных занимают пятое место по Российской империи⁸.

Таким образом, выяснилось, что проблемы, тормозившие деятельность Екатеринбургского окружного суда, были вызваны рядом особенностей региона, и внутренней политикой государства, не всегда отвечавшей интересам судов. Но все же можно отметить, что Екатеринбургский окружной суд вполне сформировался к концу XIX в. и эффективно действовал.

Примечания

¹ См.: Джаншиев Г. Основы судебной реформы (к 25-летию нового суда): историко-юридические этюды. М., 1891; Гессен И.В. Судебная реформа. СПб., 1905.

² См.: Виленский Б.В. Судебная реформа и контрреформа в России. Саратов, 1963; Коротких М.Г. Самодержавие и судебная реформа 1864 г. в России. Воронеж, 1989; Черкасова Н.В. Формирование и развитие адвокатуры в России 60–80 годы XIX в. М., 1987; Немьтина М.В. О судебной контрреформе в России // Государственный строй и политико-правовые идеи России второй половины XIX столетия. Воронеж, 1987.

³ См.: Смыкалин А. Судебная реформа 1864 года // Российская юстиция. 2001. № 5; Миронов Б.Н. Социальная история России периода империи (XVIII — начало XX века). Т. 2. СПб., 1999.

⁴ Смирнов В.Н., Усманов Р.Р. История адвокатуры Среднего Урала. Екатеринбург, 1999.

⁵ Государственный архив Свердловской области (ГАСО). Ф. 11. Оп. 1. Д. 31. Л. 4 об.

⁶ Смирнов В.Н., Усманов Р.Р. Указ. соч. С. 30.

⁷ ГАСО. Ф. 11. Оп. 1. Д. 7. Л. 94.

⁸ Екатеринбургская неделя. 1888. № 19.

*К.И. Шнейдер
(Пермь)*

АРИСТОКРАТИЧЕСКИЙ ДУХ РАННЕГО РУССКОГО ЛИБЕРАЛИЗМА

Рассуждать всерьез о либерализме в России всегда было либо опасно, либо невероятно сложно. Вряд ли изучение отечественной радикальной и консервативной мысли возбуждало такое же пристальное внимание властей, как профессиональные попытки осмыслить многотрудную судьбу российского либерализма. Одновременно

некоторые академические версии национальной либеральной истории моментально становились объектом жесткой критики специалистов. Это замечание относится и к историографии русского либерализма XIX в., где легче перечислить конвенциональные точки сопряжения мнений, чем бесконечные дискуссионные темы. Одной из них остается проблема раннего русского либерализма, или, иначе говоря, времени формирования отечественного либерализма, его содержания и многочисленных особенностей.

В общих чертах можно предложить следующую исследовательскую версию. Во второй половине 1850-х — начале 1860-х гг. в российской общественной мысли впервые появился национально адаптированный вариант либерализма. В первом ряду его основателей находились К.Д. Кавелин и Б.Н. Чичерин, ставшие идейными наследниками Т.Н. Грановского, одного из ключевых персонажей в истории западничества. Второй ряд ранних либералов, представлен П.В. Анненковым, И.К. Бабстом, В.П. Боткиным, А.В. Дружининым, Е.Ф. Коршем. Они определили экономический, отчасти политический и эстетический облик либерального «первенца».

Одним из наиболее обсуждаемых в среде либеральных мыслителей «раннего призыва» являлся вопрос о судьбах российского дворянства в исторической перспективе. Оглядываясь в прошлое, они отмечали существенную разницу в положении национальной и европейской аристократии еще в ранние века, которая отчетливо проявилась в преобладании оседлого образа жизни населения на Западе и господстве там наследственных договорных отношений между различными земельными собственниками. Это гарантировало им соответствующий поземельный статус и личную зависимость местных жителей.

В русской истории, напротив, по мнению либералов, дружина была кочевая, князья поздно получили оседлость, а бояре и слуги постоянно переезжали с одного места на другое, заключая с князьями временные, а не наследственные договоры. Так что поземельного значения они приобрести не могли. А личная зависимость неизбежно ограничивалась близким окружением того или иного лица, не касаясь при этом всей системы поземельных отношений.

Вполне закономерно, что и многие другие размышления ранних либералов о русском дворянстве опирались на сравнение с историей европейской аристократии. Отечественные либералы середины XIX в. традиционно делились на англофилов и франкофилов, однако общим для них было восхищение историческими достижениями Англии, в частности, ролью и положением британской аристократии. Для отечественных либералов середины XIX в. высшее британское сословие являлось опорой всего государственного здания туманного Альбиона, гарантом стабильности и эталонном политического поведения в обществе. Возможно, мифологизация английской аристократии объяснялась, с одной стороны, стремлением либералов обнаружить в человеческой истории примеры социальной ответственности элит перед народом, а с другой — желанием убедить себя и своих оппонентов в безальтернативности политики «просвещенного абсолютизма» в России и тесного союза власти и дворянства в период преобразований.

Мечтая о «британизации» национальной аристократии, ранние русские либералы обсуждали вопросы исторической роли и будущего российского дворянства. В первую очередь они были озабочены проблемой сохранения высшего сословия в

России в период Великих реформ, неизбежно разрушавших традиционную социальную структуру страны. Либералы не сомневались в необходимости поддержания статус-кво отечественной аристократии до тех пор, пока не появится богатое, независимое и нравственно состоятельное среднее сословие, которое в неопределенной исторической перспективе сможет вместе с дворянством составить образованную часть русского общества. А пока, по мнению либералов, «цвет нации» мог бы послужить на благо российского государства, став в нем одновременно опорой престола и защитником свободы, но под контролем высшей власти. Русские либералы оставались приверженцами идеи соединения венценосного начала с очевидными преимуществами свободного развития общества. Опасаясь олигархических устремлений дворянства и сдерживая их монаршей силой, они, вместе с тем, видели в образованной отечественной аристократии потенциальных сторонников и носителей либеральных ценностей.

Эти размышления свидетельствуют о попытках либералов адаптировать теоретические положения концепции «просвещенного абсолютизма» к политическим условиям России. Самодержавная власть и русское дворянство, не будучи еще «истинно просвещенными», воспринимались либералами в качестве взаимодополняющих и взаимозависимых начал в процессе либерализации общества, т.е. строго контролируемой и дозируемой программы постепенного распространения «сверху» либеральных ценностей. Одновременно ранние русские либералы не только адаптировали, но и наполняли новым содержанием концепцию «просвещенного абсолютизма» за счет введения представлений о свободе и правах личности. Вопрос для них заключался в определении «правильного» исторического маршрута и способов укоренения достижений либеральной мысли в условиях самодержавной и патриархальной России.

В своих размышлениях либералы неоднократно пытались предвидеть экономическое будущее русского дворянства, особенно в связи с началом Великих реформ. Решая вопросы функционирования экономики, они в основном придерживались рецептов классического европейского либерализма. Среди них можно отметить свободу торговли и промышленности, минимизацию государственного присутствия в хозяйственной сфере, создание благоприятных условий для беспрепятственного привлечения иностранного капитала в страну.

Вместе с тем большинство либералов рассматривали отечественную аристократию в качестве социально доминирующей группы землевладельцев. Некоторые либералы даже не сомневались в том, что, несмотря на потенциальные успехи в развитии национальной промышленности и торговли, в России еще длительное время (а может и никогда) не произойдет кардинальных изменений в сословной социальной структуре. Другие либеральные мыслители были не столь категоричны и предсказывали успешное индустриальное развитие российского государства уже в ближайшей исторической перспективе, и в этом ведущую роль может и должна сыграть отечественная аристократия.

В еще большей степени ранние русские либералы делали ставку на дворянство по политическим мотивам. Будучи последовательными сторонниками Великих реформ, они возлагали на российскую аристократию бремя глашатаев идеалов свободы, законности, справедливости и одновременно близкого союзника верховной власти в непростой для государства период преобразований. При этом все либералы являлись

противниками любых проявлений социального радикализма и выступали даже против демократии, которую воспринимали исключительно в качестве инструмента реализации в обществе разрушительной и опасной диктатуры масс.

Кроме того, реалии российской политической повседневности заставляли ранних русских либералов обращаться за поддержкой именно к дворянству. В политической системе самодержавной России середины XIX в. не существовало парламентских и партийных институтов, а представления о политической культуре в основном ограничивались придворным этикетом и искусством интриги. В такой ситуации национальная аристократия воспринималась либералами как единственная сила, способная к активному и осмысленному участию в политической жизни общества. В итоге, аристократическая составляющая в политической программе раннего русского либерализма занимала одно из центральных мест, призванная служить гарантом социальной стабильности в обществе и защитой от возможных революционных потрясений в стране в эпоху начавшейся модернизации.

В заключение следует все же попытаться объяснить очевидный и «подозрительный» для специалистов аристократизм раннего русского либерализма середины XIX в. Многие отечественные исследователи и сегодня продолжают называть его «дворянским либерализмом», полагая, что сословная принадлежность основателей либеральной традиции в России напрямую коррелирует с их взглядами. Трудно согласиться с таким мнением. Перед нами проблема, связанная с эпохой формирования русского либерализма, превращения его из рационалистической утопии западного образца в полноценную, национально адаптированную концепцию развития российского государства.

Больше всего ранние русские либералы опасались ужесточения и без того самодержавного режима в стране, с одной стороны, и распространения демократических, а значит революционных, по их мнению, настроений — с другой. В этой ситуации они видели единственный выход в осуществлении политики «просвещенного абсолютизма» в России. В ней могли бы соединиться усилия верховной власти, готовой к самоограничению через новые либеральные законы, и образованного, политически способного меньшинства в лице национальной аристократии ради развития идеалов свободы в российском государстве в обозримом будущем. Поэтому аристократизм раннего русского либерализма следует воспринимать скорее как одну из его многочисленных особенностей, закономерно усилившуюся в период подготовки и проведения Великих реформ. Вместе с тем либералы остались верны и сохранили генетическую связь с основными «догматами либерализма» и не должны произвольно и бесосновательно выводиться за его границы.

*Ю.М. Ярко
(Екатеринбург)*

ЗЕМЕЛЬНЫЙ ВОПРОС В ПРОГРАММЕ ПАРТИИ НАРОДНОЙ СВОБОДЫ (КОНСТИТУЦИОННО-ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ) В 1917 г.

Партийная программа кадетов была принята на I-м съезде партии в 1905 г. После Февральской революции 1917 г. в программу были внесены изменения. Так, на VII-м всероссийском съезде партии, проходившем 25–28 марта, в программу было